

НАБОР ОТМЫЧЕК

АЛЕКСАНДР ПЕРЕВЯЗКИН

18+

Александр Перевязкин

Набор отмычек

«Автор»

2026

Перевязкин А. А.

Набор отмычек / А. А. Перевязкин — «Автор», 2026

Эдди Малыш Ренфрю медвежатник со стажем. Его инструменты отмычки, его дом мотель, его единственный друг голос мёртвого учителя в кассетнике. Если до завтра он не вернёт долг Люциусу, тот отрежет ему пальцы. По одному. За каждую просроченную секунду. Последний шанс старый дом на отшибе. Говорят, старуха получила от страховой полмиллиона за погибшую семью и спрятала деньги где-то внутри. Проникнуть, вскрыть сейф, уйти. Элементарно. Но дом не хочет отпускать. Внутри кто-то есть. Кто-то, кто девять дней лежал в гробу, а теперь бродит по комнатам, волоча ноги и оставляя за собой мокрые следы. Кто-то, чья кожа слезает лоскутами, а в складках тела копошатся мокрицы. Эдди предстоит не просто взломать замок. Ему придётся открыть последнюю дверь ту, за которой его ждёт не смерть, а нечто гораздо страшнее: прощение.

© Перевязкин А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ: КОЖА И КОСТИ	5
АКТ I: ПОДБОР КЛЮЧА	6
Глава 1. Первый щелчок	6
Глава 2. Фотографии с выколотыми глазами	8
Глава 3. Язык без костей	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Набор отмычек

ПРОЛОГ: КОЖА И КОСТИ

Ты когда-нибудь трогал мертвую старуху?

Не свою бабушку. Не ту, от которой пахло яблочными пирогами и лавандой. Я про другую. Про ту, что лежала в гробу девять дней. Про ту, кожа которой стала слишком большой для костей.

Закрой глаза. Представь, что ты суешь руку в ведро с сырыми потрохами, которые пролежали на солнце три дня. Чувствуешь? Скользко, тепло, и под пальцами лопаются пузыри газа. Это близко. Но не то.

Представь мокрое мыло. То, которое лежало в луже воды в ванной, размякло, превратилось в слизь. А теперь представь, что это мыло — твоя мать. И оно ползет к тебе по лестнице.

Миссис Хэтэуэй лежала в гробу девять дней. Девять дней гравитация тянула жидкость из ее щек вниз, к затылку. Девять дней атласная подушка впитывала эту жижу. Девять дней ногти росли, закручиваясь внутрь ладоней, потому что руки были сложены на груди, и им некуда было расти, кроме как в собственную плоть. Девять дней кишечник, мертвый и холодный, урчал, переваривая сам себя. Звук был похож на урчание сытого, очень довольного зверя.

А потом крышка гроба открылась.

Не снаружи. Никто не пришел ее спасти. Изнутри.

Потому что даже у смерти есть ключи. И она научилась ими пользоваться.

АКТ I: ПОДБОР КЛЮЧА

Глава 1. Первый щелчок

Мир состоит из щелчков.

Первый щелчок — пуповина, которую перерезают акушерскими ножницами. Звук входящего в мир. Второй щелчок — крышка гроба, которая захлопывается над твоим лицом. Звук выходящего.

Все остальные щелчки между ними — это просто замки, которые мы пытаемся открыть, чтобы попасть туда, где тепло, где пахнет едой, где кто-то ждет. Или боится ждать.

Я сижу в пикапе. «Шевроле» 89-го года. Краска облупилась, как кожа после солнечного ожога. Окна запотели от моего дыхания. Я рисую пальцем круги на стекле. Смотрю на дом сквозь мутное стекло, и дом смотрит на меня.

В кассетнике хрипит голос Френчи. Френчи умер десять лет назад. Рак сожрал его легкие. Перед смертью он откашливал куски себя в банку и показывал мне. «Видишь, Малыш? — шептал он. — Даже тело — это замок. И его однажды взломают».

Сейчас его голос — просто магнитная лента, которая трется о головку. Но слова живут.

«Напряжение, Малыш. Все в напряжении. Замок не враг. Замок — это женщина, которая боится, что ее изнасилуют. Ты должен быть нежнее, чем любовник. Ты должен уговорить ее открыться. Ты должен стать ключом, который забыл свою форму».

Я выключаю запись. Тишина в машине густая, как кисель. Только мое сердце: тук-тук. Тук-тук.

Дом миссис Хэтэуэй стоит в низине. Улица Старых Дубов. Дубы здесь действительно старые. Их корни взломали асфальт, подняли его волнами, как застывшее море. Сам дом — серая доска, гниль, краска облупилась так, что под ней видно черное мясо дерева. Веранда провисает в центре. На ней слишком долго сидели двое. Потом не стало двоих. Потом не стало никого.

Луна спряталась. Это хорошо. Мне не нужно, чтобы луна меня видела.

Я курю. Сигарета тлеет в темноте, красная точка. Я смотрю на второй этаж. Темно. Все окна черные. Но занавеска в угловой комнате шевельнулась. Точно шевельнулась.

Я говорю себе: это ветер.

Но ветра нет.

Я тушу сигарету о ботинок. Не о перила крыльца. Я не вандал. Я — медвежатник. Есть разница. Вандал ломает то, что не может открыть. Я — решаю головоломки. Я уважаю механизмы. Даже те, что пытаются меня убить.

В бардачке лежит набор. Кожаный сверток, старый, потертый, как кожа на локтях нищего. Френчи подарил мне его, когда мне было восемнадцать. «Это твоя жена, — сказал он. — Твои дети. Твоя мать. Твоя гробница. Береги».

Внутри — моя жизнь. Г-образные натяжители, кирки, полулунные щупы. Сталь, закаленная в масле. Металл, который хранит тепло моих пальцев и холод чужих дверей.

Я беру сверток. Выхожу из машины.

Воздух — как мокрая тряпка по лицу. Пахнет мокрыми листьями, землей и чем-то еще. Слишком сладким. Как перезрелые персики, которые начали гнить, но ты все равно их ешь, потому что жалко выбросить. Этот запах оседает на языке. Я чувствую его вкус. Сладкий, тошнотворный, с привкусом металла.

Подхожу к крыльцу. Доски скрипят под ногами. Скрипят громко, как будто предупреждают кого-то внутри: «Идет! Проснись!»

Дверь. Старый добрый «Yale». Цилиндровый замок. Я такие люблю. У них есть память. Они помнят, как ключ входил в них тысячи раз. Они скучают по нему. Они ждут. Моя задача — стать тем ключом. Обмануть память металла.

Я опускаюсь на колени. Кладу набор на доски крыльца. Разворачиваю. Инструменты звякают, как столовое серебро на званом ужине. Но ужин здесь будет не для людей.

Беру натяжитель. Самый тонкий. Он входит в скважину почти без сопротивления. Как палец в ноздрю.

Закрываю глаза.

Пальцы — это мои глаза. Я чувствую первый штифт. Он не двигается. Заперт намертво. Второй — поддался. Чувствую пружину. Она давит вверх, хочет вытолкнуть мой инструмент. Она боится.

Не бойся, девочка. Я не сделаю больно.

Моя кирка находит головку штифта. Давление. Чуть-чуть. Не сломай. Не порань.

Пин первый...

Щелчок.

Этот звук громче выстрела. Он разносится по всему крыльцу, отражается от стен, возвращается эхом. Но для меня это — музыка.

Пин второй...

Щелчок.

Я чувствую, как цилиндр проворачивается на миллиметр. Чувствую душу этого дома. Она сопротивляется. Она не хочет пускать. Она знает, кто я. Она знает, зачем я пришел.

Пошел... пошел... ну давай...

Пин третий...

Щелчок.

Ручка поворачивается. Металл стонет. Дверь открывается.

Внутри — темнота. Такая густая, что кажется, ее можно резать ножом. И запах. Теперь он не просто в воздухе. Он набит в каждую щель, как вата. Затхлость. Нафталин. И это сладкое — теперь я понимаю, что это. Это запах тела, которое лежало слишком долго. Формалин. Смерть. И что-то еще. Что-то живое, что кормится смертью.

Я делаю шаг внутрь.

Дверь за мной захлопывается сама собой.

Я слышу, как щелкает замок. Тот самый, который я только что открыл. Он закрылся снова.

Я дергаю ручку. Заперто.

Изнутри.

Сердце пропускает удар.

— Это просто сквозняк, — шепчу я вслух. Голос звучит чужо, тонко, как у ребенка.

В темноте кто-то смеется. Тихо. Еле слышно. Или мне кажется?

Я включаю фонарик. Луч режет темноту, и в нем танцуют пылинки. Миллионы пылинок. Они кружатся, как снег. Как прах.

Я смотрю на дверь. На замок. Мой набор отмычек остался снаружи. На крыльце. Я выронил его, когда входил. Он лежит там, на досках, в десяти сантиметрах от меня. За дверью.

Я один.

В доме, который не хочет выпускать.

Глава 2. Фотографии с выколотыми глазами

Тишина.

Она бывает разная. Есть тишина пустого дома — плоская, как дешевое пиво, безвкусная. Есть тишина леса — живая, полная шорохов, которые ты просто не слышишь. А есть тишина дома, где кто-то есть, но не дышит.

Эта тишина — объемная. Она давит на уши, как вода на глубине. В ней слышно, как кровь шумит в сосудах. Как хрустят суставы, когда ты боишься пошевелиться. Как где-то в стене жуки точат дерево — цок-цок-цок, будто костяшки считают.

Я иду по коридору. Половицы скрипят под ногами. Каждый шаг — предательство. Каждый шаг говорит: «Я здесь. Я живой. Приди и возьми меня».

Передняя гостиная. Мебель в чехлах. Белые простыни на креслах делают их похожими на призраков, которые устали пугать и сели отдохнуть. На диване — отпечаток. Кто-то сидел здесь. Недавно. Простыня вмята, собрана складками.

На каминной полке — фотографии в рамках. Много. Целый ряд. Как солдаты на параде.

Я подхожу ближе. Свет фонарика скользит по стеклу.

Семья. Мужчина в форме пожарного. Молодой, красивый, с усами. Женщина — с длинными светлыми волосами, в летнем платье, смеется. Двое детей. Мальчик лет семи, девочка лет пяти. Они на пикнике. Расстелен плед, рядом корзинка. Солнце, трава, счастье.

Но кто-то взял черный маркер и закрасил им лица.

Нет. Не просто закрасил. Выколочил. С такой силой, что продавил бумагу, разорвал картон, разбил стекло на одной из рамок. Осколки торчат, как зубы.

Глаза — черные дыры. Рты — черные дыры.

Я смотрю на эти дыры, и мне кажется, что они смотрят на меня. Сквозь время. Сквозь смерть. Сквозь меня.

Переворачиваю одну рамку. С обратной стороны надпись. Дрожащий старческий почерк, похожий на электрокардиограмму остановившегося сердца:

«Они ушли. Они не вернуться. Страховая заплатила. 13 апреля».

13 апреля. Полгода назад.

Я ставлю фото на место. Палец оставляет след в пыли. Здесь пыль везде. Толстый слой, как первый снег. Но я замечаю кое-что. На полу, перед камином, пыли нет. Кто-то ходил здесь. Недавно. Полоса на ковре, ведущая к лестнице. Следы босых ног. Маленьких. Женских.

Я смотрю на свои руки. Они дрожат.

Звук.

Сверху.

Скрип половицы. Медленный, тягучий. Потом еще один. Шаркающий. Кто-то прошел по коридору. Не шагами — волочением. Как будто ноги не отрываются от пола.

Я выключаю фонарик. Замираю. Становлюсь частью темноты.

Сердце. Тук-тук. Тук-тук. Слишком громко. Оно выдает меня.

Тишина.

Я считаю про себя. Раз. Два. Три. Четыре. Пять.

Ничего.

Я включаю фонарик. Луч бьет в потолок. Там, над люстрой, темное пятно на обоях. Сырость? Или что-то другое?

Старая проводка. Дом оседает. Трубы шалют. Я шепчу это, как мантру. Слова должны защитить. Но они не защищают.

Я здесь за деньгами. Страховая выплатила старухе компенсацию за всю семью. Почти полмиллиона. Она сняла все наличными. Никто не лез, потому что она была чокнутой. Сидела

с ружьем на крыльце. Стреляла по воронам. Иногда по соседским собакам. Иногда просто в небо, чтобы слышать звук.

Потом она умерла. Сердце. Или тоска. Или просто решила, что хватит.

Деньги остались. Где-то здесь.

Моя задача — найти сейф.

Я иду на кухню.

Глава 3. Язык без костей

Кухня пахнет смертью еды.

На плите кастрюля. Я подхожу. Открываю крышку.

Внутри то, что когда-то было супом. Теперь это плесень. Пушистая, зеленая, с розовыми прожилками. Она дышит. Колышется от моего дыхания. На поверхности лопаются пузыри, и из них вырывается запах — такой кислый, что слезятся глаза.

Я захлопываю крышку. Отступаю. Спинай упираюсь в стол.

На столе — чашка. В чашке — чай. Черный, засохший, с пленкой на поверхности. Рядом — надкусанное печенье. Следы зубов. Маленьких. Старушечьих. На печенье — плесень, но другая, синяя.

Она сидела здесь. Прямо здесь. Ела это печенье. Пила этот чай. А потом пошла наверх и легла в гроб.

Или не легла. Может, ее положили. А она встала.

Я трясую головой. Не думать об этом. Деньги. Где сейф?

В раковине — тарелка. В тарелке — ложка. Ложка прилипла к тарелке коричневым налетом. Я трогаю ее пальцем. Она двигается. Под ней — черви. Маленькие, белые, они копошатся в остатках еды, жирные, довольные.

Я отдергиваю руку.

В холодильнике гудит мотор. Гудит ровно, как будто ничего не случилось. Как будто здесь все еще живут. Я открываю дверцу.

Свет загорается. Внутри — пусто. Только банка с огурцами. Рассол мутный, белый. В банке плавает что-то темное. Я вглядываюсь. Это палец. Женский палец. С ногтем, покрытым лаком. Лак облупился, но цвет угадывается — красный. Коралловый.

Я захлопываю дверцу. Отступаю. Сердце уже не тук-тук. Оно колотится где-то в горле, в ушах, в глазах.

Это не палец. Это огурец. Просто огурец, который испортился. Конечно.

Я убеждаю себя. Вру себе.

На полу — следы. Босые ноги. Они ведут из кухни к кладовке. И обратно. Много раз. Кто-то ходил здесь. Тысячи раз. Натирал дорожку в линолеуме.

Я иду по следам. Они приводят к кладовке. Дверь приоткрыта. Из щели тянет холодом. Не обычным погребным холодом. Другим. Тем, от которого немеют кости.

Я открываю дверь.

Внутри — темнота. Лестница вниз. Подвал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.